

**ОБ ОБРАЗОВАНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ***

В о п р о с № 10: «Можно ли найти исторические аналогии между процессами развития русского литературного языка в поздний донациональный период и процессами развития литературных языков южного славянства (сербским, болгарским) в донациональную эпоху?»

Для более точного определения хронологических рамок укажем, что окончательным рубежом «донационального периода» литературного языка сербов и болгар будем считать реформы В. Караджича и вступление в литературу Х. Ботева и Л. Каравелова, а для русского языка соответственно — Пушкинскую эпоху. Начало этого периода устанавливается несколько произвольнее: середина XVII в. — начало серьезного кризиса церковнославянского языка (общего для восточных славян, сербов, болгар и румын).

О возможности некоторых исторических аналогий в процессе развития русского, сербского и болгарского литературных языков можно говорить с полным основанием не только потому, что был очень близок к ним их единый источник — старославянский язык и было на протяжении веков достаточно общих моментов развития и взаимовлияния, но и потому, что еще от кирилло-мефодиевских времен и времен Нестора-летописца и почти до конца рассматриваемого периода жила традиция, представляющая литературные языки восточных и южных (православных) славян единым языком. Можно в какой-то мере признать для всех рассматриваемых славянских литературных языков возможность существования двух «типов» — книжнославянского (в основе своей общего для всех) и народнолитературного (частного для каждого из них); при этом для книжнославянского языка функциональные, стилистические и нормативные лексико-грамматические границы более строги, а потому и легче определяемы, чем для языков народнолитературных. Изучение последних без учета их коррелятивных отношений с книжнославянским крайне затруднительно.

Можно говорить о миграции центров или наличии в некоторые эпохи нескольких центров «единого» книжнославянского литературного языка (имевшего в общем почти всегда и свои «территориальные изводы»). В рассматриваемый период таким центром оказывается Москва, на первом этапе и Киев, а эталоном — все более русифицирующийся церковнославянский («книжнославянский») язык.

После так называемого второго южнославянского влияния, явившегося отголоском на русской почве унифицирующей и центрирующей деятельности тырновской школы, а позже, с миграцией в Сербию основного центра — ресавской школы, т. е. после периода вторичной унификации славянских литературных языков (русского, сербского, болгарского и славяно-румынского), наступает период значительного застоя в развитии литературы и литературного языка у южных славян, связанный с тяжелым турецким игом, а затем в начале и середине XVII в. — эпоха, ведущая к активизации центробежных моментов и кризису единого «книжносла-

* Продолжение публикации ответов на анкету, опубликованную в № 4 за 1959 г. (стр. 50—51).

ьянского» языка. Расширение жанрового разнообразия литературы, в первую очередь на Руси, ее все более светский характер, необходимость новой экономической и научной терминологии и т. п. приводят не только к усилению удельного веса «пародолитературного» языка и его многообразных жанровых вариаций, но и к конкретным попыткам реорганизации и своеобразного отказа от старого церковнославянского языка. Однако идея единого славянского языка оказывается еще достаточно прочно утвердившейся в умах книжников того времени¹. Предлагаются даже довольно радикальные реформы, например проект Ю. Крижанича, но не оставляется в стороне идея единого литературного языка.

Начало XVIII в. в России, т. е. Петровская эпоха, ведет к довольно решительному, хотя и далеко не полному отказу от церковнославянского языка. Энергичный период XVIII в., предшествующий окончательному формированию русского национального литературного языка, был признан решить свои национальные задачи в области литературного языка. Вводится критерий «трех стилей», разрешается, хотя и не в полной мере, «проблема создания литературной системы русского национального, „природного“ языка и проблема структурного объединения в ней церковнославянских, русских и западноевропейских элементов» (В. В. Виноградов). Церковнославянский язык в России в XVIII в. продолжает, однако, в какой-то мере и свою автономную жизнь. Он видоизменяется, теряя часто «чистоту» нормы, и сфера его распространения довольно узко ограничивается церковно-проповеднической литературой (Гедсон Крыновский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович и др.). Если идея единства литературного языка для восточных и южных славян в России в XVIII в. уже почти забыта и русский литературный язык формируется лишь с учетом собственных национальных интересов, то у сербов и болгар — в тот период не в ущерб, а в угоду их национальным интересам (борьба за национальную культуру против турок, греков, австрийцев, против эллинизации и унии) — продолжается стремление к единому с восточными славянами литературному языку, стремление, пришедшее после искоторой дифференциации (XVII в.) к новой, хотя и не полной и на сей раз последней в истории русского, сербского и болгарского языков унификации (XVIII в.). Основой для такой унификации служил употреблявшийся в России язык церковнопроповеднической литературы (церковнославянский или с большей примесью «природного» русского так называемый «славяно-русский»²) и даже язык русской светской литературы, точнее — среднеделовой стиль. Так возникает «славяно-русско-сербский», или «славяно-сербский», и «славяно-болгарский» язык.

Если оставить в стороне судьбы литературного языка в Хорватии и Славонии и взять собственно Сербию, и в особенности ее задунайскую часть — Воеводину, входившую в состав Габсбургской империи, то можно сказать, что с начала рассматриваемого периода и вплоть до эпохи Марии Терезии (1740 г.) в литературе использовался средневековый церковнославянский язык сербского извода, иногда с примесью народного языка (сочинения Киприана Рачанина, Ерофея Рачанина, хроника Георгия

¹ Идея единого «общеславянского» литературного языка находит в это время свое воплощение даже за пределами восточного «греко-славянского» мира, где она подчиняется отчасти задачам унии. Русская форма церковнославянского языка, на первом этапе ее «южнорусский» (киевский) вариант, оказывает влияние на язык хорватской церковной и церковно-дидактической литературы. Этот хорватско-церковнославяно-русский язык (в том, так же как и позже в «славяно-сербском» и «славяно-болгарском», ощущалось влияние грамматических норм Милетия Смотрицкого) не оставил глубокого следа в истории хорватского литературного языка; он проявлялся sporadически с конца первой трети XVII в. до середины XVIII в. лишь у отдельных авторов (Р. Левакович, И. Пастрич, М. Караман и Савич).

² Термин «славяно-русский» применяется в южнославянской литературе XVIII, XIX вв. и в современной научной литературе южных славян. В России этот термин был принят в XIX в. (см., например, у И. Перфольфа).

Бранковича и др.). Вторым этапом, длившимся приблизительно до 1780 г., было внедрение церковнославянского языка позднего русского типа или просто русского со значительной долей славянизмов и «сербизмов», т. е. употребление «славяно-сербского» языка, переходившего у некоторых писателей почти что в светский русский литературный язык XVIII в. (Х. Жефарович, З. Орфелин, П. Юлинац и др.). Третий этап — от 1780 до начала XIX в. — характеризуется, с одной стороны, стабилизацией «славяно-сербского языка» (здесь особую роль играет творчество Иоанна Раича; см. его «Историю разных славянских народов...» и др. произведения), с другой — попытками его замены «простонародным» языком без славянизмов и русизмов, увенчавшимся окончательным успехом лишь к концу первой половины XIX в. Эта классификация, предложенная в принципе Б. Унбегауном, не может, как правильно указывал А. Белич, быть абсолютно точной: творчество отдельных писателей, вернее их язык, не всегда укладывается в ее рамки. Однако она хорошо отражает последовательность процесса, который мы можем наблюдать также и в истории болгарского литературного языка.

Четкая классификация в этом случае еще более затруднительна, но при некоторой, возможно даже значительной, схематизации ее можно представить следующим образом. Первый этап — до 1762 г., т. е. до появления «Истории славеноболгарской» Паисия Хилендарского, — продолжение средневековой церковнославянской письменной традиции (так называемый «среднеболгарский период») со значительными отступлениями в пользу народного языка с чертами местных диалектов (литература «дамскинов», например сочинения Иосифа Братского, и т. п., обозначаемая традиционно как начало «новоболгарского периода»). В эту эпоху элементы русского влияния незначительны, сербского — проявляются спорадически. Второй этап — от 1762 г. до 20 гг. XIX в. — характеризуется сначала усилением сербско-русского влияния (Паисий), затем уже церковно-славянско-русского (Спиридон, отчасти Софроний Врачанский и др.). К этому же времени и несколько более раннему можно отнести употребление болгарскими книжниками «славяно-сербских» (например, «Стаматографии» Жефаровича, относящейся в равной мере к сербской и к болгарской литературе, грамматики Мразовича и др.). Третий этап, охватывающий эпоху 30—40-х годов, характеризуется, с одной стороны, известным «филологическим созревaniem» славяно-болгарского языка (грамматические труды Х. Павловича дупничанина, труды К. Фотинова и др.) и попытками его утверждения, с другой — довольно успешными (см. «Рибен буквар» П. Берона) и к концу рассматриваемого периода все более многочисленными опытами создания литературного языка на основе народно-разговорного (см. грамматику Богорова как крайнее проявление этого направления и др.).

Таким образом, во-первых, в отношении церковнославянского языка позднейшей русской редакции, т. е. «славяно-русского» языка XVIII в., можно отметить, что сначала он оказал сильнейшее воздействие (в качестве одного из его каналов отметим школы М. Суворова и Э. Козачинского) на формирование «славяно-сербского» языка (40-х гг. XVIII в.), а затем уже «славяно-сербский» и одновременно или, пожалуй, несколько позже «славяно-русский» (80-х гг. XVIII в.) оказали влияние на «славяно-болгарский». Нельзя при этом упускать из виду, что «славяно-сербский» и «славяно-болгарский» языки обслуживали литературу, жанрово довольно ограниченную, еще довольно близкую к литературе средневековья (ср. летописи, хронографы, жития, хождения, поучения и т. п.; из новшества отметим оды, исторические драмы и др.)¹. Можно сказать, что в известном смысле это были судьбы одного литературного языка на разных тер-

¹ См. об этом: Г. Гачев, От сивкретизма к художественности, «Вопросы литературы», 1958, № 4, стр. 121—128.

риториях с разными народноразговорными «субстратами»¹. При этом общим, хотя хронологически неодновременным для сербов и болгар, был процесс трансформации их средневековых литературных языков через этапы старого языка со значительной примесью народных элементов, проникших в литературный язык после упадка книжной школы и вследствие отсутствия строгих норм (т. е. в известной мере стихийно), затем языка, где господствовал церковно-славянско-русский, воспринимаемый как норма и подлинный образец «старого» славянского языка, и, наконец, языка, в который сознательно и принципиально вводился живой разговорный язык. Последний этап сознательного выдревления живого народного языка можно считать уже процессом формирования национального литературного языка. Трансформация эта происходила в общем очень быстро (не многим более полустолетия), нормы были малоустойчивы, и поэтому конечные результаты оказались весьма радикальными. В середине XIX в. провозглашается почти полный отказ от старых церковно-славянских традиций.

Н. И. Толстой (Москва)

¹ В качестве любопытной иллюстрации может служить одинаковый по содержанию отрывок из болгарской истории. Отрывок этот имеет общим источником труд Мавро Орбини. «Славяно-русский» язык: «По немъ учинился наслѣдникъ Тарбалъ или Тербелъ на королевствѣ болгарскомъ, капитанъ изрядный, и человекъ велидушный. Сеи въ началѣ своего правительства, развоевалъ Аваровъ. Отъ которыхъ извѣстѣно что они были одолѣны за свое несогласіе, и за сребролюбіе ихъ главнѣйшихъ, тоя ради вѣны повелѣлъ созвати народъ болгарскій, и объявилъ имъ законъ таковъ: что, ежели кто изъ нихъ найдень будетъ, и обличенъ въ воровствѣ, или въ какомъ нибудь прегрѣшеніи, то безъ всякой пощады будетъ смертію казненъ» (Мавроурбинъ, Книга исторіографія початія имене, славы, и разширенія народа славянскаго..., СПб., 1722, перевод с итал. яз. изд. 1601, стр. 292—293). «Славяно-сербский» язык: «Сему храброму Вождю и основателю Царства во владѣніи последовалъ Тербелъ, или Тарбагъ Краль V, человекъ великодушный и изрядный Вождь воинства Болгарскаго. Той во еже показати храбрость свою, абие по пріятіи правительства воевалъ съ успѣхомъ на Авары, и отъ ихъ Начальниковъ сребролюбываго нрава позгнушався, указъ кадалъ, да, естли кто отъ Болгарскаго Народа или въ воровствѣ, или во иномъ наковомъ погрѣшеніи найдется и обличенъ будетъ, безъ всякія пощады смертную понесетъ казнь. Тако о сихъ пишетъ Мавроурбинъ на ст. 292» (Іоаннъ Рачъ, Исторія разныхъ славянскихъ народовъ..., ч. 1, Въ Виенѣ, 1794, стр. 352—353). «Славяно-болгарский» язык: «По немъ, учинили, болгаріи себѣ, крала сто Тривелию, человекъ, изряденъ, вѣдѣхъ шенъ благополученъ, сеи, въ началѣ, своего, королевства, развоевалъ аравъна [...] за сребролюбіе и грабительство, аварско и повелѣлъ съзвати народъ, болгарскій, и абавилъ, имъ, законъ, таковъ, ако се, кой, ѿ нихъ, наидеть, и обличенъ, будетъ, за некое, зло дѣло, да смертію казненъ, будетъ.» («Исторія славяноболгарская, собрана и нареджена Пангемъ іеромонахомъ въ лѣто 1762, София, 1914, стр. 17—18). Сравнение приведенного отрывка из «Истории» Пангина с отрывком из «Историографии» Мавро Орбини в русском переводе сделано было до нас Б. Пеневым. Перевод книги Мавро Орбини с итальянского на «русский языкъ» былъ сделанъ в 1714 г. повелѣніемъ Петра Великаго герцеговинцемъ Саввой Владиславичемъ и изданъ под редакціей Феофана Прокоповича в 1722 г.